

Инь и Ян

Автор:

Борис Акунин

Инь и Ян

Борис Акунин

Приключения Эраста Фандорина

«Инь и Ян» – это театральный эксперимент. Один и тот же сюжет изложен в двух версиях, внешне похожих одна на другую, но принадлежащих двум совершенно разным мирам.

По форме это детектив, расследование ведет великий сыщик Эраст Фандорин, которому помогает его верный слуга Маса.

Пьеса была написана специально для режиссера Алексея Бородина (Российский академический молодежный театр).

Борис Акунин

Инь и Ян

Белая версия

Действующие лица

Эраст Петрович Фандорин, чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе.

Маса, камердинер Фандорина.

Ян Казимирович Борецкий, недоучившийся студент.

Инга Станиславовна Борецкая, его кузина.

Казимир Иосифович Борецкий, отец Яна.

Станислав Иосифович Борецкий, отец Инги.

Лидия Анатольевна Борецкая, жена Станислава Иосифовича, мать Инги.

Роберт Андреевич Диксон, домашний врач.

Степан Степанович Слюньков, нотариус.

Фаддей Поликарпович, камердинер покойного хозяина усадьбы.

Аркаша, лакей.

Глаша, горничная.

Белый кролик

Действие происходит в 1882 году в подмосковной усадьбе покойного Сигизмунда Борецкого.

Первое действие

1. Влюбленные

Сцена разделена перегородкой, причем часть, что находится слева (она вдвое шире правой), закрыта занавесом, а правая часть открыта. Вдали погромыхивает приближающаяся гроза.

Справа из-за кулис выходит Инга, прижимая к груди белого кролика. За ней следом выходит Ян. Он в клеенчатом фартуке поверх студенческой тужурки.

Ян: Инга, отдай животное!

Инга: Как бы не так. Ты будешь мучить бедняжку. (Целует кролика.)

Ян: Такое у меня ремесло – мучить животных, чтоб избавить от мук человечество. Знаешь, сколько людей ежегодно умирает от столбняка?

Инга: Знаю, ты уже говорил. И я нисколько не сомневаюсь, что ты победишь эту свою столбнячную бациллу... Как ее...

Ян: Бацилла Николайера.

Инга: Победишь своего Николайера, спасешь человечество от столбняка, и тебе поставят памятник. Но в чем виноват этот пушистый, этот ушастый? (Снова целует кролика.) И чего стоит спасение человечества, если для этого пришлось замучить маленького кролика?

Ян: Это из Достоевского? Не по моей части. Я рационалист, а не моралист. Пожертвовать несколькими кроликами ради того, чтобы спасти тысячи людей – это рационально. Смотри. (Достает из кармана футляр, из него изрядного размера шприц.) Вот она, столбнячная бацилла. Эта коварная убийца проникает в кровь через пустяковую ранку и вызывает страшную, мучительную смерть. Я уверен, что антитоксин можно добыть из сыворотки крови иммунизированного кролика! Может быть, именно этот экземпляр даст мне ключ!

Хочет забрать кролика, Инга не выпускает, и они застывают в этом полуобъятьи.

Инга: ...Ян, ты одержимый. Даже сюда привез клетку с кроликами. Это в дом покойника!

Ян: Здесь замечательное электрическое освещение, можно работать ночью. А дядя Сигизмунд тоже был в некотором роде ученый. Он не обидится.

Инга: Я знаю, он вызывал тебя незадолго до смерти. О чем вы говорили?

Ян: Расспрашивал о моих экспериментах.

Инга: Как это замечательно! Наверное, решил оставить тебе денег на исследования!

Ян: Если и так, что проку? Мне до совершеннолетия еще семь месяцев. Опекуном станет папаша, он денежки в два счета спустит, ты его знаешь. И дядя Сигизмунд это тоже знал. Нет уж, любимая племянница у него была ты, тебе все и достанется.

Инга: Мне не нужно богатства. Я просила дядю не унижать моей любви к нему, завещать какую-нибудь безделицу на добрую память – и только.

Ян: Душесципательные мерихлюндии. Черт, мне бы хоть тысячу рублей! Я бы снял настоящую лабораторию, купил швейцарское оборудование... Пойми ты, я в двух шагах от великого открытия! Если мне удастся... Ух, если мне удастся одолеть бациллу Николайера! Недоучившийся студент открыл противостолбнячный антитоксин! Представляешь?

Инга: Я верю в тебя, ты гений! Но ты как малый ребенок, ты без меня пропадешь. Мы обязательно поженимся. Пускай мои родители против, пускай церковь не позволяет венчать двоюродных – все равно, мы непременно будем вместе.

Ян (рассеянно): Да, ерунда. Мы уедем в Америку. Что нам церковь?

Инга: Нет, я хочу, чтобы все было по-настоящему. Держи свой «экземпляр» и пойдем. Все уже в гостиной, сейчас будут читать завещание. Идем же! Не то опоздаем!

Ян: Да пропади они пропадом со своим завещанием!

Инга: Глупый, ты ничего не понимаешь в практических делах. Твой антитоксин то ли добудется, то ли нет. А вот если дядюшка оставил состояние тебе, мы сможем обвенчаться и без бациллы. Папа сразу подберет. Напишет архиепископу, и тот даст разрешение на брак.

Ян: Иди, коли тебе интересно. А мне противно зависеть от капризов богатого сумасброда. Да и на папашу моего драгоценного лишний раз любоваться неохота. (Кролику.) Пойдем-ка, лучше, брат, в наш чуланчик, поработаем.

Инга: Милый, ну пожалуйста... (Гладит его по щеке. Ян поправляет очки.) Идем! От этого зависит наше будущее.

Тянет его за собой. Ян неохотно идет, прижимая к груди кролика.

2. Онемели

Занавес открывается слева и закрывается справа. Видно гостиную. За окнами темно, время от времени полыхают зарницы. Вошедшие Ян и Инга застают немую сцену: все, кто находится в гостиной, застыли на месте.

Нотариус Степан Степанович Слюньков, лысый, с седым венчиком волос, стоит посередине комнаты, держит в руках листок – он единственный, кто не проявляет никаких чувств. Прочие окоченели от изумления, всяк по своему. Казимир Иосифович Борецкий (отец Яна) удручен и потрясен. Станислав Иосифович и Лидия Анатольевна Борецкие (родители Инги) не верят своему счастью. Доктор Диксон развел руками и вытаращил глаза. У дверей стоят слуги: Фаддей, Аркаша, Глаша. Фаддей неодобрительно качает головой. Аркаша разинул рот. Глаша испуганно прикрыла губки ладонью.

Ян и Инга тоже изумлены, переглядываются.

Ян: Это что еще за немая сцена?

Застывшие фигуры оживают.

Казимир Иосифович: Убит! Раздавлен пятою судьбы! Как червь! Ян, сын мой, мы погибли!

Лидия Анатольевна: Инга! Ангел мой! Это сон! Чудесный сон!

Станислав Иосифович (вытирая лоб платком): Уф, даже в жар кинуло! С одной стороны, это, конечно, обидно – так обойтись с родным братом, то есть, собственно, с обоими братьями... Но, с другой стороны, это его право.

Доктор Диксон: It's unbelievable... Прошу вас, sir... сударь, прочтите еще раз!

Лидия Анатольевна И Станислав Иосифович: Да-да, пожалуйста! Прочтите снова!

Казимир Иосифович: Вот именно, снова! Проклятье! Когда я трезв, ничего не соображаю... Какой, к чертову дедушке веер? Ян, где моя фляжечка? Отдай!

Ян: Когда уедем, не раньше. Кто клятву давал? Я только на этом условии с вами и поехал...

Казимир Иосифович: Изверг, отцеубийца! Один глоточек коньячку! Ведь гибель последней надежды!

Станислав Иосифович: Помолчи, Казимир! Читайте!

Слюньков (читает): «Сего тридцатого августа 1882 года, находясь в здравом уме и трезвой памяти, я, Сигизмунд Иосифович Борецкий, в присутствии нотариуса Степана Степановича Слюнькова...» (кланяется и вскрикивает, хватая ясь за поясницу). Проклятая поясница! «...Слюнькова объявляю мою последнюю волю касательно принадлежащего мне...»

Лидия Анатольевна: Ах нет! Не нужно все. Только самый конец.

Станислав Иосифович: Да, последнее предложение.

Слюньков: Извольте. Вот: «...Все вышеперечисленное движимое и недвижимое имущество, равно как и вклады в „Русско-Азиатском банке“ и банке „Кредит Лионнэз“, завещаю моей племяннице Инге Станиславовне Борецкой...»

Инга (пронзительно): Я же его просила!

Лидия Анатольевна: Господи! Да святится имя Твое!

Станислав Иосифович: Зачем девочке, почти ребенку, такое состояние? Душенька, ты и распорядиться им не сможешь.

Инга: Ничего, папенька, мне уже 21 год, я совершеннолетняя. А что там дальше?

Казимир Иосифович: Да-да, самый-то конец. Может, я недопонял? Ян, слушай!

Слюньков (читает дальше): «...моему племяннику Яну Казимировичу Борецкому завещаю свой бумажный веер, который передаю на ответственное хранение в нотариальную контору „Слюньков и Слюньков“. Далее только число и подпись.

Диксон: It's incredible! Absolutely incredible! Я лечил этот человек три месяца! Хоть бы мелочь завещал! Out of common decency!

Казимир Иосифович: Если б вы, доктор, его вылечили – тогда другое дело, а так за что вам? Он и мне-то, брату любимому, согбенному под ударами судьбы, ни шиша не пожаловал... Над племянником, несчастным юношей, жестоко поглумился. Бумажный веер, каково? Ян, сынок, принеси фляжечку... Плохо мне...

Ян: Да ну вас к черту, старый вы пьяница! Что я здесь время теряю! (Хочет уйти.)

Инга: Постой! Не уходи! Про веер это не просто так! Здесь какая-то тайна!

Ян: Не тайна, а насмешка! Будь прокляты толстосумы, издевающиеся над людьми.

Казимир Иосифович: Но как же... Это несправедливо! Я нищ, кругом в долгах! А Стасик и без того богат!

Станислав Иосифович: Не богат, а состоятелен. Это наша Инга теперь миллионщица. (С чувством, обращаясь к висящему на стене портрету). Сигизмунд, я всю жизнь завидовал тебе. Твоей хватке, твоей неукротимой энергии. Прости меня! Да будет земля тебе пухом!

Казимир Иосифович: Каким еще пухом! Я только давеча, на прошлой неделе, занял пять тысяч... Надеялся выплатить из наследства!

Станислав Иосифович: Что ж, мне жаль твоего кредитора. Глупый человек, нашел, кому одалживать.

Казимир Иосифович внезапно раздражается истерическим хохотом и никак не может остановиться.

Казимир Иосифович: Ой... Ой, Стаська... Тут ты прав... Прав, как никогда!

Станислав Иосифович (брезгливо отвернувшись): Скажите, господин... э-э... Слюньков, а когда моя дочь сможет вступить, так сказать, в права наследования? Она слишком юна и неопытна, чтобы самой разобраться в подобных вещах...

Диксон (перебивает): Господа, господа! А веер?

Инга: В самом деле! У дяди была великолепная коллекция восточных раритетов. Может быть, этот веер представляет какую-нибудь невероятную ценность?

Ян: Бумажный-то?

Казимир Иосифович: Да! Где наш веер?.. Бу... (всхлипывает) бумажный...

Слюньков: Я уполномочен сообщить вам, что указанный в завещании предмет действительно был передан мне завещателем и, согласно полученным инструкциям, доставлен сюда, в подмосковное имение усопшего. Однако...

Казимир Иосифович: Какое еще «однако»? Где наше наследство?

Слюньков: Честно говоря, я пребываю в некотором затруднении... Видите ли, в инструкции сказано, что означенный предмет должен быть передан наследнику в присутствии одного человека, некоего Фандорина Эраста Петровича, который сделает необходимые разъяснения...

Лидия Анатольевна: Фандорин? Милый, не тот ли это молодой человек, о котором говорили в салоне у Одинцовой?

Станислав Иосифович: Да, вне всякого сомнения. Он ведь недавно вернулся с Востока.

И наш Сигизмунд тоже много времени провел в Китае и Японии.

Диксон: Что за господин Фандорин?

Станислав Иосифович: Чиновник, состоящий при его сиятельстве московском генерал-губернаторе. Молодой, но очень на виду.

Лидия Анатольевна: Рассказывают, будто бы после какой-то трагической истории он долго жил на востоке и превратился в совершенного азиата!

Ян: Ну и где он, ваш азиат? (Нотариусу.) Вы ему писали?

Слюньков: Разумеется. И получил уверение, что господин Фандорин приедет. Однако коляска, отправленная к московскому поезду еще утром, не вернулась, а теперь уже вечер...

Станислав Иосифович: Фаддей, кто поехал к поезду?

Фаддей: А?

Станислав Иосифович: Кто поехал к поезду?

Фаддей: Это я, ваше превосходительство, не могу знать. Я при барине-покойнике в камердинерах состоял. А про лошадей ничего не знаю, не моя плепорция. Если насчет провизии распорядиться или счета проверить, прислугу нанять либо уволить, это ко мне. И чтоб порядок в доме был, это тоже я...

Станислав Иосифович: Ну хорошо, хорошо! А по лошадям у вас тут кто?

Фаддей: Это смотря по каким лошадям. Если по барским – одно, по хозяйственным – другое.

Станислав Иосифович (теряя терпение): На которых поехали встречать господина Фандорина?

Фаддей: На барских. Он же барин. Это вот по Аркашиной части.

Аркаша (кланяясь): Так точно, по моей-с. Я при почившем нашем благодетеле в лакеях состоял-с, для всякой личной и даже конфиденсной надобности. И насчет экипажей, и в смысле гардероба, и гигиены организма – все я-с, потому как специально обучен и все сии премудрости превзошел.

Станислав Иосифович: До чего ж вы все говорливы! Если ты «насчет экипажей», то почему не поехал встречать?

Аркаша: Как можно-с? Столько дорогих гостей. Одному Фаддей Поликарпычу с Глафирой не управиться. Я кучера Митяя снарядил. Он хоть человек глупый, даже, антр-ну, полный дубина-с, но до станции, надо думать, не заплутает.

Горничная Глаша прыскает.

Ян: Значит, не приехал ваш «азиат». А дубина Митяй, чем обратно воротиться, будет теперь до скончания века на станции сидеть.

Аркаша: Это очень возможно-с. Потому совсем глупый человек.

Казимир Иосифович: Ну так и бес с ними, с разъяснениями. Дайте посмотреть, что за предмет достался моему сиротинушке.

Ян: Да уж, давайте поскорей кончим с этим балаганом.

Слюньков: Я должен следовать полученной инструкции, но раз господин Фандорин не приехал... И если такова воля наследника...

Ян: Такова, такова. Давайте веер, где он у вас?

Казимир Иосифович: Ян, принеси коньячку, душа горит!

Ян делает вид, что не слышит.

Слюньков: Как угодно. (Слугам.) Внесите!

Фаддей и Аркаша выходят и тут же возвращаются, с трудом неся большой сундук.

Станислав Иосифович: Ничего себе веер!

Слюньков: Ключи должны находиться у камердинера покойного.

Фаддей торжественно снимает с шеи и показывает всем кольцо с ключами. Передает его Слюнькову. Все, затаив дыхание, наблюдают за действиями нотариуса. Он отпирает сундук, подает знак слугам. Они вынимают из сундука металлический несгораемый ящик. Нотариус открывает один за другим три замка, каждый своим ключом. Из ящика нотариус извлекает длинную узкую шкатулку. Из шкатулки нечто, обернутое узорчатым шелком. Внутри – картонный футляр. Из футляра, наконец, появляется сам веер. Он большой, надорванный в нескольких местах. С одной стороны черный, с другой белый. На белой стороне китайский иероглиф «солнце», на черной – иероглиф «луна».

Слюньков: Вот... Прошу...

Казимир Иосифович (принимая и растерянно разглядывая веер): Дранье какое-то! Ему красная цена полтинник!

Фаддей: И то – страмота. Нехорошо. Я сколько разов говорил барину – дайте починю. Картонку аккуратненько снять, бумажечкой папиросной подклеить, и будет вещь. Хошь – на стенку вешай, хошь – личность обмахивай. А они только ругались, дурнем старым обзывали. Руки сулились оборвать... (Бормочет что-то и дальше, но его уже никто не слушает.)

Диксон: Позвольте-ка... Я немножко разбираюсь в таких вещах... О, сударь, вы не правы. Это старинная вещь. Любитель восточной antique даст хорошие деньги. Думаю, рублей пятьсот, а то и тысячу.

Казимир Иосифович: Тысячу рублей? За это? И вы знаете таких идиотов?

Ян: Папаша, тут не место и не время для торговых сделок.

Казимир Иосифович: Помолчи, ты ничего не понимаешь в коммерции. Ты несовершеннолетний. Я как опекун должен позаботиться о твоих интересах. Тысячу рублей я помещу в банк, под проценты... Сам спасибо скажешь. Потом. Когда вступишь в эти... в права наследства. Лучше сходи за коньяком. Полцарства, то бишь полвеера за мою фляжечку!

Диксон: Как врач, скажу: немного alcohol вредить не может.

Ян: Отец, веер завещан мне!

Казимир Иосифович: Не мешай, я действую в твоих же интересах. Ну же, неси коньяк!

Ян: Как вы мне надоели! Да хоть до смерти упейтесь, мне-то что!

Сердито идет к выходу.

Казимир Иосифович (ему вслед): Сын мой, золотое сердце! И лимончик! У меня там на блюдечке ломтики порезаны! (Диксону.) Так знаете идиота или нет?

Диксон: Одного collector знаю, в Москве. Могу попробовать.

Казимир Иосифович: Буду нижайше признателен! Тысяча рублей меня, знаете ли, очень бы... И вам процентиков десять дам, слово дворянина!

Диксон (продолжая рассматривать веер): Я врач, а не комиссионер. Все, что даст мой знакомый, достанется вам. А вещь, я смотрю, в самом деле интересная. Who knows, может быть, удастся получить больше.

Возвращается Ян. Он уже без кролика, несет плоскую стеклянную флягу.

Казимир Иосифович: Так забирайте его! Покажите вашему коллекционеру. Верю вам, как сыну благородного Альбиона, что не обманете несчастного мизерабля! Янчик! Дай, дай ее сюда! (Жадно хватает у сына флягу.) А лимончик? Про лимончик забыл?

Ян: Вылакаете и без лимончика.

Казимир Иосифович пьет.

Ян (отходя к Инге): Последние мозги пропивает! А достоинство давно уж пропил! Сейчас налижется, ему в последнее время двух капель довольно, и начнет паясничать!

Инга: Не начнет. Положись на меня.

Инга подходит к дяде, ласково забирает у него флягу и веер, кладет флягу на стол, веер остается у нее в руке.

Инга: Дядя Казик... Помните, я когда-то вас так называла?

Казимир Иосифович: Как же, помню... А себя называла «Инь», не могла «Инга» выговорить. Ты и в семь лет была роковая женщина, а теперь и вовсе – смотреть больно. Бедные мои глаза! Слепнут от такой красоты. (Делает попытку дотянуться до фляги, но Инга не дает. Дядя целует ей ручку, снова пробует цапнуть флягу, и опять безуспешно.) Вся в маменьку! Та была кррра-савица – сердце замирало. Да и сейчас еще оч-чень даже... (Подмигивает Лидии Анатольевне и посылает ей воздушный поцелуй.)

Лидия Анатольевна: Станислав! Огради меня от комплиментов этого фигляра!

Станислав Иосифович: Казимир! Я выставлю тебя за порог!

Казимир Иосифович: О! О! Уже вступил в права наследства! Ты родного брата еще собаками затрави!

Инга: Дядя Казик, ну что вы! Поместье это теперь мое, а я вам всегда рада. Мы все родные, все друг друга любим. Но зачем вы дразните маму? (Разворачивает веер наполовину, шутливо бьет дядю черной стороной по плечу.)

За окном близкий раскат грома, вспышка.

Казимир Борецкий вдруг хватается за горло, выпучивает глаза, из его груди вырывается хрип. Он падает. Инга пронзительно вскрикивает. К нему бросаются, поднимают. Слышен звон дверного колокольчика – никто не обращает внимания, кроме Фаддея. Он оборачивается на звук, выходит.

Диксон: Похоже на удар! Вон туда, к креслу!

Казимира Иосифовича относят и усаживают в кресло, находящееся в глубине сцены, у окна.

Диксон (проверяя пульс): Oh my God... Мертв!

Лидия Анатольевна вскрикивает. Глаша с визгом отскакивает от мертвеца. Инга явно потрясена. Бросает веер на стол, присоединяется к остальным. Все суетятся, мечутся. Диксон и Ян склонились над умершим.

Ян (поднимает отцу веко): Коллега, по-вашему, это *insultus apoplecticus*?

Диксон: *Judging by symptoms скорее infarctus miocarde*, коллега.

Ян: Бедный старый шут...

Инга: Не сейчас, Ян! Хоть сейчас так не говори!

Входит Фаддей.

Фаддей (зычно): Чиновник особых поручений при генерал-губернаторе господин Фандорин!

Не сговариваясь, все встают так, что заслоняют кресло с мертвецом, будто застигнутые на месте преступления, и разом поворачиваются к двери.

Вновь происходит подобие немой сцены.

3. Явление героя

Входит Фандорин. Он в черном сюртуке, цилиндре, одна рука на черной перевязи, закованная в гипс.

Фандорин: Господа, прошу п-простить за опоздание.

Снимает цилиндр, передает слуге, слегка кланяется.

Станислав Иосифович: Ах да, инструкция! Последняя воля Сигизмунда!

В группе застывших движение.

Слюньков: Эраст Петрович, мы ждали вас утром.

Фандорин: Я и приехал утром, московским поездом. Но в дрожках переломилась ось. Кучер сильно расшибся, он в больнице. Я вот тоже п-пострадал, сломана рука – пришлось наложить гипс. Лишь мой слуга остался невредим – прыгуч, как мячик. (Оборачивается, повышает голос.) Маса, доко да?

Входит Маса с саквояжем в руке. Он одет в смешанном европейско-японском стиле: например, черное кимоно в сочетании с шляпой-канотье.

Маса (ставя саквояж: и церемонно кланяясь): Господа, добрый день.

Инга: Здравствуйте. Вы, должно быть, китаец?

Маса (Фандорину): Ано ката ва нани-о иима-сита ка?

Фандорин: Нет, сударыня. Маса – японец. Он не очень хорошо понимает по-русски. Еще не выучился, но старается. Каждый день выписывает из словаря по двадцать русских слов, но пока дошел только до б-буквы «Д».

Маса: Доворьно дурацкая дорога. Борьшие буераки. Дрозьки дрянь. (Снова кланяется. Косится на Глашу. Вдруг подбрасывает канотье, кото рое несколько раз переворачивается в воздухе и опускается ему на макушку.)

Фандорин: Маса, ямэтэ окэ! Извините, господа. Маса в последнее время увлекается фокусами. (Замечает веер на столе, подходит.) Невероятно! Все-таки раздобыл! Настырный был господин – ох, ради бога, п-простите.

Маса: Хо! Хонто дэсьта! Данна, инье-но-сэн-су! (Молитвенно складывает руки, кланяется еще ниже.)

В группе стоящих у кресла шевеление: пользуясь тем, что Фандорин и Маса поглощены созерцанием веера, они переглядываются, как бы безмолвно дискутируя, следует ли обратить внимание чиновника на мертвеца. Нотариус жестом показывает: не сейчас, позже.

Слюньков: Господин Фандорин, покойный Сигизмунд Иосифович просил вас прибыть сюда в этот печальный день и, так сказать, разрешить законное недоумение наследников относительно этого странного предмета.

Фандорин: Ах, вот оно что. А я, признаться, не мог понять... Мы ведь с господином Бобрецким почти незнакомы. Виделись всего однажды. Это было ровно год назад.

Ян: Но год назад дядя был в Японии.

Фандорин (все еще поглощенный созерцанием веера): Я, представьте, тоже. Служил в д-дипломатическом представительстве. Имел с господином Борецким любопытнейший разговор. Кажется, он был коллекционером, причем из страстных?

Лидия Анатольевна: О да! Сигизмунд был большим оригиналом. Он нажил миллионы на железных дорогах, но столько тратил на свои причуды! Еще

неизвестно, много ли денег после него осталось.

Станислав Иосифович (поспешно): Разумеется, брат имел полное право распоряжаться капиталом по собственному усмотрению.

Ян: Так что у вас с ним был за разговор?

Фандорин: В Иокогаму он приплыл из Китая. Долго искал там эту реликвию и выяснил, что она еще триста лет назад попала в Японию, хранится в одном тамошнем монастыре. Ко мне господин Борецкий обратился по совету нашего посланника. Видите ли, я в посольстве слыл совершенно объяпонившимся субъектом. У меня имелись обширные знакомства в т-туземных кругах. Знал я и настоятеля того монастыря. Помню, меня поразила ажитация, в которой пребывал господин Борецкий. Когда он говорил о веере, у него дрожал голос. Насколько я понял, за веером охотились коллекционеры разных стран, и Сигизмунд Иосифович очень боялся, что его опередят. В Китае он приобрел святыню – свиток, имеющий для монастыря огромную ценность. Господин Борецкий надеялся, что монахи согласятся обменять веер на этот свиток. Я написал отцу настоятелю рекомендательное письмо. Вижу, что обмен состоялся.

Инга: Но что же в этом веере такого ценного? Он очень древний?

Фандорин: Да. Но дело не только в этом. Этот веер, видите ли, волшебный.

Звучит МТВ <Музыкальная тема волшебства, которая будет звучать всякий раз, когда действие принимает мистический оборот.>

Ян: Так и знал, что какая-нибудь чушь.

Инга: Волшебный?

Лидия Анатольевна: В самом деле?

Все приближаются к столу.

Фандорин: Во всяком случае, так г-гласит предание. Вы позволите? (Осторожно берет веер, разворачивает. Читает иероглиф с белой стороны.) «Ян».

Ян (вздвогнув): Что? Простите, разве мы знакомы?

Слюньков: Ах, господин Фандорин. Это моя вина. Я должен вас познакомиться. Это Ян Казимирович Борецкий, племянник покойного. Веер завещан ему. Станислав Иосифович, брат покойного. Лидия Анатольевна, его супруга. Инга Станиславовна, их дочь. Мистер Диксон, Роберт Андреевич – домашний доктор. Там слуги: камердинер Фаддей, личный лакей... м-м-м... Аркадий. Это вот горничная... Как тебя, милая?

Глаша: Глаша.

Фандорин наклоняет голову, приветствуя каждого, в том числе и слуг.

Слюньков (неопределенно показав на кресло): В кресле – другой брат покойного, Казимир Иосифович, собственно, тоже... Кхм, кхм... (За кашливается. Станислав Иосифович и Лидия Анатольевна загораживают кресло от Фандорина.)

Лидия Анатольевна: Ах, ну хватит представлений! Рассказывайте же! Что это за значок?

Фандорин (поклонившись и креслу): Это иероглиф «ян». Он обозначает солнце, мужское начало и вообще все светлое, созидательное и, так сказать, позитивное. Видите ли, у древних китайцев бытовало странное заблуждение, что все добро происходит от мужчин, а все зло от женщин.

Лидия Анатольевна: Дикарство какое!

Фандорин: Совершенно с вами согласен, Лидия Анатольевна. А вот это (переворачивает веер черной стороной) – иероглиф «инь». Он обозначает луну, а вместе с нею женщину, то есть, по мнению китайцев, начало печальное и разрушительное. Все в точности, как описывал господин Борецкий. (Вертит веер то одной стороной, то другой.) Согласно преданию, владелец этого магического предмета должен сделать выбор: повернуть веер вот так, Добром к себе, а Злом к внешнему миру. Или наоборот, Добром к внешнему миру, а Злом к себе. В первом случае твои желания исполнятся и твое существование улучшится, но ухудшится окружающий мир. Во втором случае – мир изменится к лучшему, но за

счет того, что станет хуже тебе. Потому-то веер столько веков и хранился преимущественно в монастырях и у отшельников. Эти святые люди не боятся причинить себе зло – лишь бы мир стал лучше. Легенда гласит, что, когда веер попадал к человеку корыстному, тот достигал огромного богатства и славы, но в мире от этого происходили войны, эпидемии и стихийные бедствия. Такая вот сказка. Однако отец настоятель – человек современный и просвещенный, в сказки не верит. Должно быть, потому и согласился на обмен.

Слюньков: Просто раскрыть и все?

Фандорин: Нет. Нужно взмахнуть веером слева направо восемь раз, вот так. (Показывает.) Ах да, при этом, кажется, еще нужно восемь раз пропеть «Сутру Лотоса».

Лидия Анатольевна: А что это за сутра? Какая-нибудь тайная?

Фандорин: Нет, в Японии ее знает каждый ребенок. «Доверяюсь Сутре Благого Лотоса» – вот и вся сутра. По-японски она звучит так: «Нам-мехо-рэнгэ-ке».

Слюньков: Как-как? Помедленней, пожалуйста.

Станислав Иосифович (доставая записную книжку): Если можно, по буквам.

Фандорин: Нам-мехо-рэнгэ-ке.

Лидия Анатольевна (с трудом): Нам-мехо-рэнгэ-ке.

Инга: Нам-мехо-рэнгэ-ке.

Фандорин: Да, только нужно нараспев. Вот так. (Машет веером, повернув его к окружающим «яном», и поет.) «Нам-мехо-рэнгэ-ке. Нам-мехо-рэнгэ-ке. (Маса подхватывает, сложив ладони и раскачиваясь. Получается речитатив в два голоса.) Нам-мехо-рэнгэ-ке. Нам-мехо-рэнгэ-ке. Нам-мехо-рэнгэ-ке. Нам-мехо-рэнгэ-ке...»

Станислав Иосифович: Это уже шестой!

Слюньков (поспешно): Довольно! (Отбирает у Фандорина веер, складывает его и кладет на стол.)

Маса почтительно укладывает веер в футляр.

Ян: Сумасшедший дом.

Фандорин: Не беспокойтесь, господа. Чары действуют, только если эту манипуляцию производит «избранник веера», то есть его законный владелец. (С улыбкой Яну.) Полностью разделяю ваш нигилизм, господин студент. Все это чушь. Трудно поверить, что Будда до такой степени чтит институт частной собственности. В этой легенде вообще много нелепостей. Например, считается, что веер являет собой смертоносное оружие, и не только в руках законного владельца. Я вижу, Сигизмунд Борецкий отнесся к этому всерьез и принял меры предосторожности. (Показывает на не сгораемый ящик.)

Ян: И какая же, интересно, тут может быть опасность? Воспаление легких от чрезмерного махания?

Фандорин: Считается, что, если веер раскрыть до половины и шлепнуть кого-нибудь белой стороной, этот человек помолодеет и поздоровеет. Если же ударить черной стороной, человек упадет мертвым...

Инга без единого звука падает.

Ян: Что... что с тобой?!

Все бросаются к упавшей.

Лидия Анатольевна: Боже! Боже! Неужто... Опять?! Нет!

Диксон (он приставил к груди Инги стетоскоп): Quiet, please... Обыкновенный обморок.

Дает Инге нашатыря. Она открывает глаза.

Инга: Я шлепнула его!

Ян: Бредит.

Инга: Я шлепнула его веером! Черной стороной!

Возникает МТЗ. <Музыкальная тема злодейства – она будет звучать всякий раз, когда происходит преступление.>

Ян: Черт, а ведь правда!

Особенно громкий удар грома. Гаснет свет.

Глаша визжит.

Голос Лидии Анатольевны: Господи, что это?!

Голос Яна: Перепад напряжения.

Голос Станислава Иосифовича: Какого еще напряжения? При чем здесь напряжение?

Голос Яна: Это электрический термин. Слишком близко ударила молния. Я схожу к электрораспределительному ящику, сейчас исправлю.

Голос Фаддея: Господи, жили, горюшка не знали. Пойти, свечки принести.

Голос Фандорина: Раз доктор курит, можно ли и мне?

Голос Лидии Анатольевны: Да-да, курите... Господи, как я боюсь темноты! Да еще когда в комнате...

Голос Станислава Иосифовича: Хм!

Вспыхивает спичка – это Эраст Петрович раскуривает сигару.

Фандорин (видно часть его лица, подсвечен ную огоньком сигары): Я ответил на ваши вопросы. Теперь прошу ответить на мой. От чего умер г-господин, что сидит в кресле у окна?

Голос Слюнькова: Так вы заметили!

Фандорин: Разумеется.

Голос Инги: Он умер оттого, что я шлепнула его веером!

Голос Диксона: Nonsense! Уверяю вас, господин Фандорин, смерть произошла от инфарктус.

Фандорин: Вы совершенно в этом уверены?

Голос Диксона: Я тридцать лет практикую. Классический случай.

Входит Фаддей с канделябром в руке. Сразу вслед за этим вспыхивает свет.

Лидия Анатольевна: Слава Богу!

Фаддей: А пускай будет, так оно верней.

Несет канделябр к столу.

Входит Ян.

Ян: Ну вот, прогресс восторжествовал над тьмой.

Фаддей (трясущимся пальцем показывает на стол): Веер! Батюшки, веер!

Веера на столе нет.

Все бросаются к столу. Одновременно кричат:

Диксон: It's stolen!

Ян: Черт!

Станислав Иосифович: Какой скандал!

Лидия Анатольевна: Мистика!

Слюньков: Господа, мое ответственное хранение завершилось! Вы свидетели!

Маса: Тикусе!

Глаша просто визжит.

Инга: Это нехорошо! Это стыдно! Отдайте веер! Он теперь принадлежит Яну! У него кроме этого веера ничего нет!

Ян: Перестань! Разве тот, кто украл, вернет?

Фандорин: (дождавшись, пока наступит тишина): Господа, по роду служебной деятельности я представляю генерал-губернатора во всех важных делах, требующих вмешательства полиции. Здесь без расследования не обойтись. Скоропостижная смерть при странных обстоятельствах. Это раз. Похищение предмета, обладающего огромной ценностью. Это два. Необходимо вызвать исправника.

Станислав Иосифович: Зачем нам полиция? Произвести вскрытие (кивает в сторону трупа) и определить причину смерти может и доктор Диксон, а что до похищения, то ведь это совершенно семейное дело... Хотелось бы избежать огласки.

Ян: А еще больше хотелось бы найти веер, раз он такой ценный!

Станислав Иосифович: Разумеется, Ян, разумеется. Позволь мне договорить. Про господина Фандорина рассказывают истинные чудеса. Будто вы, Эраст Петрович, способны вмиг распутать самое хитроумное преступление.

Лидия Анатольевна: Да! Вся Москва про это говорит!

Станислав Иосифович: Так, может быть, вы согласились бы нам помочь. Для сохранения репутации семьи... Я занимаю видную должность в попечительстве, и мне совершенно ни к чему... Может быть, вы сами проведете это небольшое, так сказать, внутрисемейное расследование? Уверен, что при вашем аналитическом таланте, это большого труда не составит. А мы все будем оказывать вам содействие. Не правда ли?

Присутствующие, всяк по своему, выражают согласие.

Фандорин: Хорошо, господин Борецкий, я попробую. Раз уж я здесь оказался. Доктор, вы в самом деле можете произвести вскрытие?

Диксон: Я единственный врач на вся округа. И зубы дергаю, и роды принимаю, иногда даже коровы лечу. А вскрытие по просьбе полиции делал много раз.

Фандорин (показывает на флягу): Что это?

Станислав Иосифович: Коньяк. Казин.

Фандорин: Покойный отсюда пил?

Станислав Иосифович: Да.

Диксон: Вы хотите, чтобы я проверил contents?

Фандорин: Да. Если у вас есть необходимые реактивы.

Диксон: Есть. Проверю. (Кладет флягу в кар ман. Обращается к слугам.) Эй, несите его в чулан.

Фаддей и Аркаша несут тело через гостиную в правую часть сцены, закрытую занавесом. Все кроме Фандорина, Масы, Инги и Яна инстинктивно отворачиваются. Из кармана Казимира Борецкого выпадает сложенная бумажка. Фандорин подбирает ее, рассеянно заглядывает и столь же небрежно кладет себе в карман. Инга с Яном видят это, переглядываются, но ничего не говорят.

Фандорин: Господа, мне нужно будет поговорить с каждым наедине. Ян Казимирович, если позволите, я бы начал с вас. Только отдам кое-какие распоряжения слуге.

Отводит Масу в сторону, что-то ему говорит.

Маса: Хай... Хай. Касикомаримасита.

Все кроме Фандорина и Яна выходят.

4. Доктор ошибся

Фандорин и Ян.

Ян: Ну, и объясните мне, пожалуйста, советник невероятных поручений, почему вы решили начать расследование именно с меня? Я единственный, кому незачем красть веер, он теперь и так принадлежит мне. Пошутила надо мной фортуна, нечего сказать! Дядюшка намекал-намекал, что осчастливит в завещании. И осчастливил! Капитала никакого не оставил, только бумажную махалку, так теперь и ту, что называется, утибрили. Вы тоже хороши, господин аналитический талант. Зачем было отпускать эту публику? Нужно было устроить обыск. Наверняка веер у кого-то из них на пузе припрятан!

Фандорин: Обыск унизителен и для обыскиваемого, и для обыскивающего. Это раз. Для произведения обыска требуется санкция д-дознательного органа. Это два. К тому же похититель мог в темноте преспокойно вынести веер из гостиной и вернуться обратно. Это три.

Откуда-то доносится звук гитары, наигрывающей что-то томное.

Ян: Кто украл веер? Кто? Дядя Станислав? Этому пауку мало движимого и недвижимого! Он у себя в присутствии взятки берет, все знают! Доктор? Вряд ли. Хотя черт их, англичан, знает. Денег они не украдут, потому что это не ком-иль-фо, а диковину могут, хоть бы из спортивного интереса. Нотариус? Ах нет, я

знаю! (Хватает Фандорина за сломанную руку, тот вскрикивает.) Извините, извините... Послушайте, особый чиновник, это тетушка! Ну конечно! Эта сорокаворовка тащит все, что блестит. Волшебный веер, исполняющий желания – это как раз в ее духе! Надоело ей быть столбовою дворянкой, хочет стать вольною царицей или кем там, владычицей морскою! Идемте скорее к ней в комнату, пока она его куда-нибудь не запрятала!

Фандорин: На каком, собственно, основании? Лишь на том, что вы подозреваете Лидию Анатольевну в стремлении стать владычицей морскою?

Ян: Да кто кроме этой пудреной дуры мог поверить в магические свойства куска бумаги! Про владычицу морскую это я иносказательно. Я знаю, чего она от веера хочет – молодости и красоты! Да вы не улыбайтесь, я вам точно говорю! Папаша говорил про тетку: «Если дьявол предложит этой ханже верное средство от морщин, она отдаст душу не задумываясь. И правильно сделает. Каким была бутончиком, каким эклерчиком. Увы, лепестки завяли, крем прокис». Покойник, конечно, был пошляк, но женщин понимал.

Фандорин: Я вижу, вы не слишком огорчены смертью отца.

Ян: Ни капли. И не считаю нужным прикидываться. Жил грешно и умер смешно, опекуном бумажного веера. (Хватается за голову.) Я тоже хорош! Что мне дался этот веер! Да пропади он пропадом! Даже если веер стоит не тысячу, а три тысячи, этим папашиных долгов не окупишь.

Фандорин: Откуда вы взяли, что веер стоит тысячу рублей?

Ян: Доктор Диксон давеча говорил. Обещал отцу найти покупателя.

Фандорин: Доктор ошибся. Знающий коллекционер выложит за веер сотни тысяч, а то и м-миллион.

Ян: М-миллион? Мил-ли-он?! Подлец! Пройдоха!

Фандорин: Кто?

Ян: Дядя Сигизмунд, кто ж еще! Любитель дешевых эффектов! Почему не объяснить все толком? А если б вы не приехали? Я отдал бы веер за гроши! Послушайте, особый порученец, помогите мне найти эту штуку! О, как бы мне пригодился миллион! Я не то что с бациллой Николайера, я бы и с палочкой Коха расправился! Весь дом переверну, но найду!

Возбужденный, уходит.

Занавес в левой половине закрывается, в правой открывается. Одновременно слышится пение.

5. Треугольник

Аркаша и Глаша.

Аркаша (играет на гитаре и поет):

Когда бы был я мотылечек,

По небу бабочкой порхал,

Я полетел бы к вам, дружочек,

И с вами счастья искал.

Я полетел бы, полетел бы,

Ах, моя девица-краса,

И прямо в фортку к вам влетел бы,

Присел на ваши волоса.

А вы, жестокая, зевая,

Чуть покривив свой чудный лик,

Меня прихлопнули б, не зная,

Кого сгубили в этот миг.

Глаша: И никогда бы я так с вами не поступила, Аркадий Фомич, а совсем напротив.

Аркаша (перебирая струны): Это же стихи-с, понимать нужно. Химера-с. В настоящей жизни, Глафира Родионовна, как бы я вам на волоса сел? У вас, пожалуй, и шея бы треснула.

Глаша (прыснув): Это правда, мужчина вы статный. Но еще лучше внешности я ваши песни обожаю. Как это вы ловко стихи складаете! Мне про мотылек ужас как нравится!

Аркаша: Про мотылек это пустяки-с. Я вот вам про азиатскую любовь спою.

Играет на гитаре, готовясь петь. В это время справа из-за кулисы появляется Маса. Церемонно кланяется. Аркаша перестает играть.

Глаша (шепотом): Смотрите, японский китаец! Отчего у них глаза такие злые и узкие?

Аркаша (громко): Насчет ихних глаз наука объясняет, что это они, азиаты-с, всю жизнь от своего коварства щурятся, так что со временем делаются вовсе не способны на людей честным манером-с глазеть. Ишь, как он на вас, Глафира Родионовна, уставился.

Глаша: Боюсь я его!

Прячется за Аркашу.

Аркаша: Со мною чего же вам страшиться-с? (Масе.) Ну, ходя, чего тебе? Не видишь, мы с девицей беседу ведем?

Маса достает из кармана тетрадь с выписанными словами. Тетрадь представляет собой свиток рисовой бумаги (которую Маса в разных ситуациях использует по-разному: то напишет что-то, то оторвет кусок и высморкается, и прочее). Маса быстро отматывает изрядное количество бумаги.

Маса: Девицей, беседу, ведем. (Кивает. Сматывает свиток обратно.) Добрая девица, давай дружить. (Показывает на гитару.) Гитара. Дай. Будешь... будет... буду... буду громко горосить.

Аркаша: Чево?

Глаша: Голосить, говорит, буду. Это по-ихнему, должно быть, значит «петь желаю». Дайте ему гитару, Аркадий Фомич.

Маса с поклоном берет гитару, садится на корточки, гитару кладет на колени наподобие японского кото.

Маса: Нани га ии ка на... (Щиплет струны и громко поет, зажмурив глаза.)

Сакэ ва номэ, номэ, ному нараба!

Хи-но мото ити-но коно яри-о!

Номитору ходо-ни ному нараба,

Корэ дзо мо кото-но Курода-буси!

Номитору ходо-ни ному нараба.

Корэ дзо мо кото-но Курода-буси.

Корэ дзо мо кото-но Курода-буси!

Под пение Масы правая часть занавеса закрывается, левая открывается.

6. Милая девушка

Фандорин и Инга.

Инга: Нет, я ничего не заметила. Знаете, когда горит яркий свет, а потом делается совсем-совсем темно, становишься будто слепой. Пропажа веера – это,

конечно, ужасно. Но ужасней всего, что из-за этого веера все забыли о дяде Казике. Конечно, в последние годы он сильно опустился, стал нехорош. Если бы вы знали его прежде! Когда я была маленькой девочкой, он часто у нас бывал. Как залиvisto он смеялся! Какие чудесные приносил подарки! Один раз принес сиамского котенка... (Всхлипывает.) А потом они с папой поссорились, и в следующий раз я увидела дядю лишь в прошлом году, уже совсем другим: облезлым, вечно пьяненьким... Как здесь душно!

Фандорин: Это из-за грозы. Хотите, я открою окно?

Инга: Да, пожалуйста.

Фандорин открывает окно и возвращается. Шум дождя и раскаты грома становятся слышней.

Фандорин: Из-за чего ваш отец поссорился с Казимиром Иосифовичем?

Инга: Я не знаю. Мне тогда шел восьмой год. Они больше десяти лет потом не разговаривали.

Фандорин: Значит, вы с вашим кузеном, Яном Казимировичем, росли поврозь?

Инга: Мы часто играли вместе в раннем детстве. Он был толстый, неуклюжий мальчик, все ловил каких-то жуков, я их боялась. Когда я увидела его вновь, студентом, то не узнала. Он стал такой... Такой не похожий на других. Ян может показаться грубым и даже циничным, но это только видимость. Просто он твердо решил не разменивать жизнь на пустяки, ставить перед собой только великие цели. Он университет бросил, хотя шел на курсе первым. Говорит, жалко время тратить. Они, говорит, дали мне все, что могли, дальше я сам. Сейчас у него цель – победить Николайера.

Фандорин: К-кого?!

Инга: Столбнячную бациллу. Я теперь все-все про нее знаю. Хотите, расскажу?

Фандорин: Расскажите.

Звучит музыка, левая часть занавеса закрывается, правая открывается.
Доносится смех Глаши.

7. Русско-японский конфликт

Маса, Аркаша и Глаша.

Глаша (звонко смеясь и хлопая в ладоши): Ой! А еще! Еще! Масаил Иванович, ну пожалуйста!

Маса показывает фокусы. Снимает канотье, из-под шляпы вылетает облачко цветного дыма. Глаша восторженно визжит. Маса с невозмутимым видом показывает ей ладони, переворачивает их, снова показывает. В каждой руке по цветку.

Глаша: Лютики! Мерси!

Маса делает руками пассы и достает у Глаши из уха конфету. Церемонно поклонившись, вручает девушке.

Глаша: Шоколадная! Обожаю!

Аркаша (ревниво): Я вам, Глафира Родионовна, могу таких цельную коробку преподнести.

Глаша (хихикая): Коробка у меня в ухе не поместится.

Аркаша (Масе): А я вот в газете читал, будто японцы на деревьях проживают, навроде макак.

Маса вежливо кланяется.

Аркаша (показывает): Деревья. Ветки. Прыг-скок. (Смеется.)

Маса: Деревья, ветки – да. «Прыг-скок» – нет.

Аркаша: Сваливаетесь, что ли? Так хвостом цепляться надо. У вас косорылых непременно должен хвост быть. (Смеется.)

Глаша: Аркадий Фомич, зачем вы их дразните?

Маса: Нани-о иттеру ка на... Господин Арка-ся, давать вопрос.

Аркаша: Чево?

Маса: Давать вопрос.

Глаша: Аркадий Фомич, вроде они вас спросить хотят.

Аркаша: Я по-мартышьи понимать не обучен.

Маса (вежливо поклонившись): Господин Аркася, вы готовить дрозьки?

Аркаша: Чево?

Глаша: Это он спросил, вы ли дрожки готовили. (Масе.) Которые? На которых ваш барин расшибся? (Показывает руку на перевязи.)

Маса: Да, барин. Дрозьки дрянь.

Глаша: Аркадий Фомич дрожки снаряжали. Они у нас по лошадям самые главные. Митяй-то одно прозвание что кучер. Дурачок совсем. И запрячь толком не может.

Аркаша: Что вы врете, Глафира Родионовна? Сам Митяй дрожки готовил, мне недосуг было! Если б я, то всенепременно бы ось проверил!

Глаша: Да как же... (Умолкает, напуганная выражением лица Аркаши.)

Маса (кивнув): Дрозьки готовить господин Ар-кася.

Аркаша: Я тебя, макаку, сейчас назад на ветку загоню.

Засучивая рукава, идет на Масау.

Глаша: Аркадий Фомич, грех вам! Вы ихнего вдвое здоровее!

Аркаша с размаху бьет кулаком, Масау легко уходит от удара. Происходит короткая драка, в которой маленький японец при помощи джиуджицу одерживает над верзилой-лакеем полную викторию. Драка сопровождается Глашиными взвизгами – вначале испуганными, потом восторженными. Посрамленный Аркаша, вскочив, убегает. Под звуки японского императорского гимна занавес справа закрывается, слева открывается.

8. Семейная сцена

Фандорин и Лидия Анатольевна. В одном из открытых окон появилась тень – ее видно, когда вспыхивает очередная зарница. Зрители эту тень или не заметят вовсе, или через некоторое время перестанут обращать на нее внимание, поскольку она неподвижна.

Фандорин: Лидия Анатольевна, и все же: как вы относились к покойному Казимиру Бобрецкому?

Лидия Анатольевна: Какое это имеет значение? Он умер, теперь пускай Бог будет ему судьей.

Фандорин: Умер ли?

Лидия Анатольевна: Простите?

Фандорин: Я хочу сказать: умер или убит?

Лидия Анатольевна: Да что вы такое говорите?!

Фандорин: Согласитесь, обстоятельства его кончины необычны. Скоропостижная смерть сразу после оглашения завещания всегда выглядит подозрительно. Особенно, если учитывать последующую кражу веера.

Лидия Анатольевна: Да он умер у нас на глазах! Выпил коньяку, или что там у него было, сказал какую-то очередную пошлость и упал! Его не зарезали, не застрелили!

Фандорин: Быть может, отравили?

Лидия Анатольевна: Какая нелепость! Зачем? Кому нужно убивать жалкого, спившегося голодранца?

Фандорин: Г-голодранца? А кучер, который так неудачно вез меня со станции, рассказывал, что Казимир Борецкий прикатил первым классом и в вагоне его сопровождал цыганский хор.

Лидия Анатольевна: Старый кутила! Он, кажется, говорил, что занял пять тысяч.

Фандорин: Да кто бы одолжил такому человеку целых пять тысяч без верных гарантий?

Лидия Анатольевна (смешавшись): Откуда же... откуда же мне знать!

Фандорин: Разумеется. Тогда позвольте о другом. Мне известно, что много лет назад между вашим мужем и Казимиром Борецким произошел разрыв. Из-за чего?

Лидия Анатольевна: Я... Право, не помню... Это было так давно...

Фандорин: Правда ли, что ваш деверь в свое время был привлекательным мужчиной?

Лидия Анатольевна: Не в моем вкусе... Слишком вульгарен.

Фандорин: Да? У него из кармана выпала записка. (Достает записку, читает.) «Вот твои пять тысяч. Больше ты от меня ничего не получишь. Если не оставишь

меня в покое, клянусь, я убью тебя!» Подписи нет. Почерк женский. Он вам не знаком? (Показывает ей записку.)

Лидия Анатольевна вскрикивает, закрывает лицо руками.

Лидия Анатольевна (рыдая): Я дура! Дура! Я была не в себе! Нужно было просто отправить деньги, и все!

Фандорин: Чем он вас шантажировал? Прежней связью?

Лидия Анатольевна: Да! Станислав чудовищно ревнив. Он когда-то отказал брату от дома. Ему померещилось, будто Казимир за мной ухаживает. О, если бы он узнал, что дело не ограничилось одними ухаживаниями... С годами гордость развилась в нем до астрономических размеров. Во всяком пустяке он видит ущемление своей чести! И Казимир отлично этим воспользовался. Этот негодяй был по-своему очень даже неглуп. И еще эта злосчастная записка! Хотела припугнуть, а вместо этого дала ему в руки ужасную улику. (Падает на колени, кричит.) Господин Фандорин, заклинаю вас! Не говорите Станиславу! Для него это будет страшным ударом. Я... я не знаю, что он со мной сделает! Он так презирал своего брата!

Вбегает Станислав Иосифович.

Станислав Иосифович: Лидия! Что такое? Почему ты кричишь? Почему стоишь на коленях? (Пораженный, пятится и машет рукой.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tn.knigapoisk.com/ru/boris-akunin/in-i-yan>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)